

ВЕРОЯТНО, читатель будет крайне изумлен, узнав, что современная русская литература переживает не упадок, как всё вокруг, а полный расцвет вопреки всему. Только тщетны будут попытки обнаружить следы этого великолепия в наших толстых журналах или на книжных развалах. Сбылась мечта самых изощренных эстетов об искусстве для искусства. Блистательно подтверждено, что настоящая литература может жить без читателя.

Чтобы понять происходящее, нужно прежде всего отказать от советского мифа о каком-то таинственном авангарде и постмодернизме, который де противостоит магистральной прямой нашей литературы.

Выяснилось, что т. н. «наша» литература — это всего лишь одна из многочисленных литературных школ. Как только отпала идеологическая диктатура ЦК КПСС, стало ясно, что многие писатели печатались и читались только потому, что не печатались, а читались только тайком другие писатели, прозванные либо диссидентами, либо авангардистами.

Когда партийная номенклатура почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног, она придумала еще одну по-своему гениальную формулу умолчания. Наконец-то стали печататься затравленные и репрессированные классики XX века. Пастернак, Цветаева, Гумилев, Мандельштам, Велимир Хлебников, Бабель, Платонов, Булгаков, Хармс, Вагинов, слава Богу, наконец-то вернулись к читателю. Но какой ценой...

Цена очень странная. Почти стопроцентное замалчивание всей современной литературы.

Конечно, кое-где железобетонная идеологическая плотина дает свои трещины. Ведь нельзя, как в былые годы, запретить полностью неугодных авторов. То тут, то там все же появляются публикации живых прозаиков и поэтов, не присягнувших на скрижалях реализма, но это делается так эпизодически, настолько разрозненно, с такими бесчисленными оговорками, что до массового читателя почти ничто не доходит. Да и живущие ныне авторы напечатаны в основном то, что написано и отгремело в аудиториях 20—40 лет назад.

Почему не вызвала всеобщего ликования запоздалая публикация когда-то запрещенного «Метрополя»? Ответить на этот вопрос легко. Многое из того, что напечатано в этом отшумевшем альманахе, сегодня просто устарело. Разумеется, великая литература создается на века, но поскольку среди авторов «Метрополя» Шекспира и Гете не оказалось, то и придется сми-

ряться с печальной истиной — запретное не значит великое.

Не случайно так вяло прошла международная конференция по Солженицыну. Все единодушно сошлись на том, что Солженицын великий человек, великий политик и великий писатель. Однако никто не пустился в пляс, ударив в ладони по этому поводу. И никто не побежал срочно закупать «Новый мир» с безнадежно запоздалыми публикациями Александра Исаевича. Начался было вялый спор о «Красном колесе»...

Я с нескрываемым интересом ждал, какова же будет реакция

теет к модной метафизике и культурологии, однако каждая страница прозы Аксенова наполнена такой свободой джазовой импровизации, такой неподдельной жизненной силой, что читать его будут всегда и перечитывать тоже. Ни одна страница, ни одна строка не устарела в его «Затоваренной бочкотаре» или в блистательных «Поисках жанра».

Да, у Аксенова нет психологической горечи и рефлексии восьмидесятников, но, помилуйте, разве жизнь может состоять из одного психологического климата? И когда эта литература состояла из писателей одного возраста? Не хватало нам после диктатуры семидесятилетних

использована нашей торговлей: получить бутылку водки можно только в обмен на пустую бутылку. Единственное, в чем ошибся Войнович, так это в датах. Режим Дзержинов сменился на режим Дружинов не в 2042-м, а в августе 1991-го. Помните, когда герой Войновича прилетает в Москву 2042-го в машине времени, он видит в аэропорту портрет Маркса и еще кого-то, похожего на Христа. Позднее оказалось, что это и был Христос. А чего стоит просоветский поп «Отец Звездоний», сколько их видим мы сегодня на всевозможных прокоммунистических сборищах, осеняющих крестом серп и молот.

Чонкин Войновича уже стал

ческой ласки, которую сквозь официозную ругань они восприняли от благодарных читателей.

Так получилось, что следующий поток любви достался деревенщикам Астафьеву, Распутину и Белову, рассказавшим всю правду о комсомольском идиотизме и религиозной мудрости сельской жизни. Затем народ с благодарностью и ужасом прочел несколько романов о сталинизме, воздавая должное всем авторам — от Рыбакова до Дудинцева, а «новая волна» все еще оставалась в запретной тени.

И только тогда, когда сорокалетним стало под 50, а тридцатилетним под 40, началась не то чтобы слава, а некоторая известность в кругах лысеющей и седеющей молодежи.

Их называют «красными принцами» — Виктора Ерофеева и Сашу Соколова.

В отличие от подавляющего большинства своих сверстников они имели возможность подолгу жить за границей и, надо отдать им должное, воспользовались этим богатством в полной мере. Их проза и по языку, и по стилистике резко отличается от нескольких архаичной русской литературы, прозябавшей за железобетонным занавесом. Кто-то увидит в ней пародию на соцреализм, на самом же деле это известный прием постмодернизма — работать с отработанным материалом. Язык советской литературы — рай для постмодерниста. Они с наслаждением используют идиотские клише, блоки и штампы, знакомые всем нам со школьных диктантов. Поскольку советская реальность уходит медленнее, чем ожидалось, затонула и праздник постмодернизма. Не думаю, что у этой литературы большое светлое будущее, но сегодня она царит. Однако наметилось уже и нечто другое. Издательство «Гилей» выпустило роман Егора Радова «Змеосос». Его герой или герои едины во всех лицах — это, как говорят теософы, «реинкарнация одного мирового «я», желающего обрести свою реальность во множестве воплощений. В разных воплощениях он становится то мужчиной, то женщиной, каждый раз убивая себя руками партнера противоположного или того же пола. Однако невозможность умереть обрекает мировое «я» на новые воплощения. Цель любви и смерти разомкнуть невозможное».

Современники всегда склонны говорить об упадке в период расцвета. Вот и сейчас на фоне старческого брюзжания критики, призывшей к другой литературе, я все же осмелюсь робко напомнить читателю — русская литература переживает настоящий расцвет. Жалко, что этот вишневый сад XX века отделен от читателя железобетонным спецзабором издателей.

РАСЦВЕТ, О КОТОРОМ НИКТО НЕ ЗНАЕТ

РУССКАЯ ПРОЗА КОНЦА XX ВЕКА

критики на публикацию литературной исповеди Солженицына «Бодался теленок с дубом». Реакции не последовало. И понятно почему. Уж кому-кому, а этой самой советской, сиречь эсэньговской, критике досталось в книге сполна и по заслугам. «Знай наших, поминай своих», — как любит говорить Солженицын.

ФЕЕРИЧЕСКИМ залпом знаменитых шестидесятников стала запоздалая публикация двух романов Василия Аксенова «Ожог» и «Острова Крым». Набольший ожог вызывает как раз «Острова Крым», ведь события развиваются почти по Аксенову.

На самом деле надо быть идиотом, чтобы не почувствовать, что речь идет в романе Аксенова не о Крыме, а о всей западноевропейской цивилизации XX века, которую вот-вот затопит океан тоталитарных режимов. Что-то удивительное написал Аксенов. Его портреты «Портретов» (членов Политбюро) так блистательно очерчены, что после романа я потерял всякий интерес к архивам ЦК. Ничего нового после «Острова Крыма» мы о них уже не узнаем.

Горько сознавать, что Аксенов, переживший мощнейший прессинг соцреалистов, теперь подвергается травле новой молодой критики, к сожаленью, легко заглотившей наживку идеологических служб ЦК о каких-то легковверных шестидесятниках, розовых романтиках и о чем-то тому подобном в том же роде.

Аксенова, как и Хемингуэя, всегда будут обвинять в легковесности за то, что он не тяго-

бездарей получить диктатуру тридцати-сорокалетних талантов.

Последняя вещь Аксенова со странным названием «Желток яйца» как-то не прививается в нашем Нечерноземье. Аксенов не реалист или фантастический реалист. В его повествование всегда вплетено множество до интимности узнаваемых деталей быта. «Желток яйца», как тургеневский «Дым», зависает где-то в безвоздушном пространстве между Америкой и Россией. Может быть, это безатмосферное пространство и есть воздух эмиграции, но в России, где все цветет фиалками и пахнет бензином, такие вещи как-то не очень воспринимаются. Давняя мечта Аксенова разобратся в душе стукача, по-моему, осталась мечтой. Стукачи Аксенова как-то избыточно артистичны. Мне кажется, Аксенову скучно работать с этими бродячими тениями, вот он и расцвечивает их красками из своей палитры. А краска эта на стукачах, как грим на лице покойника. Уж лучше смертельная бледность, чем «живые» румяна.

О ВОЙНОВИЧЕ даже писать страшно. Его антиутопия «Москва 2042-го» оказалась Москвой 91-го. Нет ни одной детали, которая не осуществилась бы в той или иной степени. Разница между вымыслом и грядущей реальностью — почти микрон. У Войновича «КПГЕ», у нас «ГКЧП», у Войновича начальник Лубянки Дзержин Гаврилыч после переворота зовется Дружин Гаврилыч, у Войновича получить «первичный продукт» — еду можно только, сдав «продукт вторичный», модель сполна

именем нарицательным. Как бравый солдат Швейк, и пора уже признать, что Солженицын, Войнович, Аксенов — живые классики русской литературы XX века.

Иван Денисович и Чонкин — это как бы два полюса русского характера в тоталитарном аду. Оба не хотят служить ни Богу, ни черту. В положительные герои их не затащишь, но и душу свою дьяволу не продадут ни за что. Они слишком сами по себе, слишком вне всяких идеологий. Ивана Денисовича можно, конечно, «оформить» в партию, а при случае и окрестить, только это не будет иметь к нему никакого отношения. На стену белы и в красном фанатикам с вращающимися белками пришли хитроватые мужички из «Мертвого дома» Достоевского, Чонкины и Иваны Денисовичи. Их время!

ПОЧЕМУ-ТО всех писателей от сорока лет и моложе наша престарелая критика обозвала «новой волной». Здесь наибольший интерес вызывает у меня проза Виктора Ерофеева, Валерии Нарбиковой и Егора Радова. Виктор Ерофеев, один из авторов знаменитого «Метрополя», слишком широко известен у нас и за рубежом, чтобы представлять его здесь. И все же для широкого круга читателей он знакомый незнакомец. «Шестидесятники должны уйти», — провозгласил Виктор Ерофеев в одной из своих последних статей. Его раздражение можно вполне понять. Никто из нынешних живых 30 и 40-летних так и не достиг популярности Аксенова или Войновича. «Новой волне» явно не хватает читательской теплоты и крити-